

за 1146—1152 годы в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях.¹ Предположение Бестужева-Рюмина о существовании сказания об Изяславе очень правдоподобно, но требует некоторого уточнения, так как речь может идти не об одном, а о нескольких сказаниях, вошедших в состав Ипатьевской летописи. Действительно, события названных лет описаны в Ипатьевской летописи не только подробно, но и с определенной точки зрения, обычно враждебной Юрию Долгорукому и его союзникам Ольговичам. Но не эта черта сказаний об Изяславе, давно уже отмеченная в литературе, привлекает наше внимание, а вопрос о том, в каких кругах возникло подобное повествование. Автор его не мог быть представителем духовенства, так как рассказ лишен почти всякого намека на церковность, за исключением обычных слов о том, что Изяслав победил „пособьем божиим“. Более того, известие о разграблении домов и монастырей в Киеве оставлено без всяких комментариев о неприкосновенности церковных имуществ.² М. Д. Приселков считал, что выделяющееся „талантом изложения, живостью и жизне-радостностью описание времени Изяслава Мстиславовича“ было составлено „весьма близким к князю лицом, едва ли не дружинником князя“.³ В этом высказывании М. Д. Приселкова ярко выразилась его тенденция приписывать все памятники летописания лишь духовенству и феодалам. Между тем в тексте Ипатьевской летописи очень мало говорится о самом Изяславе, по крайней мере нет ничего похожего на те похвальные отзывы, которые помещает о владимирских князьях Лаврентьевская летопись. Зато некоторые другие черты заставляют предполагать, что среди авторов летописных известий о событиях в Киеве мы найдем не только дружинников, но и горожан.

Главное действующее лицо повествования Ипатьевской летописи о междоусобных расприх князей в середине XII века — это киевские горожане, „кияне“. Киевляне ведут переговоры с Игорем Ольговичем, жалуясь на княжеских тиунов, „все кияне“ приносят присягу Игорю и потом изменнически переходят на сторону его противника Изяслава. Во всем рассказе нет и намека на обычные рассуждения о нарушении крестного целования, имеется только ссылка на слова черниговского епископа о клятвопреступниках.⁴

Еще интереснее рассказ Ипатьевской летописи об убийстве Игоря Ольговича. Тема рассказа о насильственной смерти князя от разъяренной толпы давала простор для церковных рассуждений о мученических кончинах и пр. Действительно, в летописном тексте помещены предсмертная молитва Игоря и другие отступления церковного характера, но трудно оспаривать их вставное происхождение.⁵ Первоначальный рассказ об убийстве Игоря лишен налета церковности, в нем нет указаний и на то, что этот рассказ вышел из-под пера дружинника. В рассказе „кияне все“ сходятся на вече во дворе Софийского собора „от

¹ К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868, стр. 79—105.

² Летопись по Ипатскому списку, стр. 233.

³ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 53.

⁴ Летопись по Ипатскому списку, стр. 228—232. — Рассказ о низвержении Игоря с княжеского стола написан с определенной симпатией к Игорю, а не к Изяславу.

⁵ Вставка начинается от слов „Игорь же услышав“ и кончается фразой „и то ему глаголюще“. Восклицание Игоря „ох, брате, камо мя ведуть“ осталось несогласованным с вставкой о словах Игоря, что он будет „мученик“ (стр. 247—248). В Лаврентьевской летописи, где первоначальный рассказ об убийстве Игоря подвергся сокращению, вставки церковного характера отсутствуют.